

Вергилия Коулл

БЕЛЫЕ ВОЛКИ

Книга 2



МОСКВА
RUGRAM
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Коулл, В.
К73 Белые волки. Книга 2 / В. Коулл — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 350 с. — (Белые волки).

ISBN 978-5-517-07060-9

Белые волки — совершенные существа. Больше, чем люди. Больше, чем оборотни. Они красивы. Богаты. Они среди тех, кто правит. Говорят, их хранит магия.

Но совершенные — не значит неуязвимые. Совершенные — не значит правильные. Совершенные — не значит счастливые.

Этой истории бы не было, если бы не родилась Эльза. И Эльза не родилась бы, если не вся эта история...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-07060-9

© Вергилия Коулл, текст, 2021
© Галина Николаиди, обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Цирховия.

Двадцать восемь лет со дня затмения.

«Пресвятой светлый бог...»

Теперь Алекс просыпался с одной и той же мыслью. Он открывал глаза и видел лицо любимой женщины. Ее точеный профиль хорошо просматривался на фоне светлого окна. Чистый лоб, аккуратный носик, приоткрытые губы, словно манящие для поцелуев. Она делила с ним постель: всю ночь, наяву, так, как раньше ему лишь мечталось. Она принадлежала только ему. Его рука под одеялом обвивала ее талию, согнутая в колене нога — придавливала ее бедра. От соприкосновения с ее телом у него стоял член, да так, что на коже оставалась смазка из-за перевозбуждения.

Но вместо того, чтобы целовать Эльзу в продолжение своих фантазий, подрагивающей рукой Алекс тянулся под подушку, вынимал зеркальце и подносил к этим прекрасным розовым губам. А потом несколько секунд сам находился между жизнью и смертью, ожидая, пока ровную холодную поверхность не затуманит легкое облачко — доказательство, что внутри нее еще теплится жизнь.

«Пресвятой светлый бог, я так ненавижу тебя...»

Нет ничего хуже, чем быть привязанным к той, кого ты видишь, но не можешь обрести. Его волк скулил ночами, пытаясь

достучаться до ее волчицы, но та оставалась нема. Алекс и сам, подолгу не в силах уснуть, разговаривал с Эльзой, звал, испытывая порой глухое чувство безнадежности и пустоты, а она лежала и смотрела черными мертвыми глазами в потолок.

«Пресвятой светлый бог, я так ненавижу тебя, что хочу убить...»

Он готовил для нее еду в слабой надежде, что соблазнительные запахи пробудят что-то в ее голове, а следом — и ее саму. Но ни ароматный горячий кофе, ни истекающий жиром поджаристый бекон, ни шоколадная паста, намазанная на свежую булку, не могли ему помочь. Он смачивал губы Эльзы своей кровью, рассчитывая заинтересовать голодную тьму, поработившую ее. Но бурые пятнышки засыхали на нежной коже без какого-либо результата. Он попробовал ее поцеловать. Один раз, коротко и недолго. И не выдержал прикосновения к ледяному неподвижному рту.

Ее нагота, прекрасная и совершенная, резала ему глаза. Алекса сводила с ума сама мысль, что вот там, под одеялами, Эльза лежит совершенно голая, как будто выставленная напоказ. Он порылся в вещах, оставшихся от матери, и принес длинную ночную сорочку. С трудом приподняв безвольное тело, облачил в нее Эльзу, уложил аккуратно на подушки. Скользнул руками по бедрам, натягивая ткань ниже, до самых колен. Одежда была больше на несколько размеров, Алекс решил поправить горловину, поймал взглядом собственные ладони, ласкающие кружева на груди — чуть пониже выреза, прямо поверх упругих полушарий — и с недовольной миной отдернул их.

— Гребаный извращенец.

«...хочу убить, если б только людям было по силам убивать богов...»

Потом он ехал на работу. Сидел в кабинете, просматривал бумаги, выслушивал доклады. Затем — посещал несколько точек в городе, встречался с информаторами. Всем им Алекс давал лишь одно задание: ему нужен белый волк, который ушел жить к свободному народу. Мужчина с серебристыми глазами и гладким лицом, вряд ли такому легко раствориться среди

сброда и отребья. Но пока что в ответ ему лишь пожимали плечами и качали головами: и правда, раствориться нелегко, значит, такого человека среди свободного народа попросту нет. И про маленькую девочку, которая, возможно, потеряла и ищет родителей, никто не слышал тоже.

«...если б только людям было по силам убивать богов. Но мне такое не по силам...»

Вечером, уже под покровом темноты, Алекс отправлялся в один и тот же богатый особняк. Даже когда остальные дома казались погруженными в сон, в окнах этого продолжал ярко гореть свет, а веселая музыка навязчиво липла в уши. Молчаливый и безупречно вышколенный слуга провожал Алекса в просторный зал, где в кресле, закинув ногу на ногу, сидела хозяйка. Ее волосы всегда были уложены в красивую прическу, бархатное домашнее платье с глубоким декольте облегало роскошную фигуру, и даже в такой, вроде бы, приватной обстановке в образе неизменно присутствовали украшения и макияж. Гостя усаживали в соседнее кресло, предлагали еду и напитки, но он отказывался, стараясь скорее перейти к главному.

Северина — а это была именно она — сидела, потягивая сладкое вино, и выглядела недовольной. В первый раз, когда Алекс появился в гостях, на расстеленном посреди зала ковре боролись двое мужчин. Их тела, щедро обмазанные маслом и золотой краской и лишенные какой-либо одежды, блестели на свету, руки и ноги переплелись, в воздухе пахло потом и благовониями, но хозяйка откровенно скучала. В другой раз это были мужчина и женщина, а потом — две женщины, но эффект оставался примерно тем же.

Поначалу Алекс даже решил уточнить, не связано ли такое настроение с нежеланием его видеть? Но Северина вдруг преобразилась. Она потянулась и крепко обняла его, а когда отстранилась, в ее глазах блестело что-то, подозрительно похожее на слезы.

— Ты думаешь, я не рада тебе? — переспросила она, удерживая руки собеседника в своих. — Нет, я не рада себе. А тебя мне всегда приятно видеть, Алекс. В конце концов, разве мы с тобой не родственные души? Пожалуй, только ты и можешь

понять меня. Ведь ты тоже пострадал. Пострадал так же, как и я. Мы оба с тобой покалечены. Им. — Она не стала уточнять имя, просто сморгнула влагу и улыбнулась. — Покалечены, но ведь не убиты? Не так ли?

«...мне такое не по силам. Поэтому я проклиная тебя, светлый бог! Проклинаю и прошу, умоляю, пожалуйста, пожалуйста, верни мне ее...»

Но и Северина не слышала ничего про Кристофа. Так же, как не могла сообщить ничего полезного из сплетен и новостей, которые всегда самыми свежими поступали в ее руки. Значит, «изящному» слою населения столицы, включавшему и состоятельных женщин, и простых белошвеек, брат-близнец Эльзы на глаза тоже не попадался. Алекс снова уходил ни с чем. И старался сделать это до того, как намазанные маслом и золотой краской тела перейдут от борьбы к совокуплению.

«...пожалуйста, верни мне ее. А если не вернешь, если предпочтешь, как обычно, не вмешиваться, как ты делал все эти годы, то ответь хотя бы на два вопроса...»

Алекс возвращался домой, а на кровати по-прежнему ждал призрак, неживая тень, холодная каменная статуя — все, что осталось от его любимой. И снова он трясущимися руками подносил к ее губам зеркальце, и снова выдыхал, крепко сжав кулаки, затем долго курил на крыльце и пил портвейн из горла очередной бутылки под шорох ветра, метущего по улице осенние листья. Соседи смотрели на него и наверняка думали, что на работе выдался еще один трудный день.

«Хотя бы на два вопроса: почему и когда?»

Потом Алекс заходил в темный дом, раздевался и ложился в постель, чтобы до утра согреть замерзшую Эльзу — словно ладонью прикрывать от сквозняка едва теплящийся огонек крохотной свечи.

«Почему и когда, гребанный ты бездушный ублюдок?!»

Но в эту ночь все изменилось. В эту ночь в его дом, наконец, пришли истинные.

Алекс успел задремать, когда во входную дверь тихонько поскреблись. И тут же в прихожей гулко застонали часы, отсчитывая одиннадцать ударов. Их звук множился, отражался

от стен, вибрировал в барабанных перепонках, словно грохот массивных литых колоколов из башен темпла темного. Или так показалось спросонья? Алекс потер лицо, встал, не зажигая света, нащупал домашние штаны и двинулся по коридору, прислушиваясь и приносясь.

На пороге стояла фигура, сплошь закутанная в неприметный плащ. Она чуть откинула капюшон, и по одному взгляду смиренных и сочувствующих глаз стало понятно, кто это такая. Алекс порадовался, что истинным хватило благоразумия не завалиться к нему толпой и посреди бела дня, — такое сборище могло бы привлечь ненужное внимание со стороны. Особенно, если все знали: после смерти матери начальник полиции ведет уединенный образ жизни и гостей не зовет. Не считая маленьких мужских слабостей, конечно.

Не говоря ни слова, женщина прошла в прихожую, и Алекс закрыл дверь. Он включил свет, догадываясь, что ей некомфортно находиться с ним наедине в тесном пространстве и в полной темноте, но истинная оробела еще больше. Возможно, ее смутил его взлохмаченный вид, обнаженный торс, старый неизлеченный шрам от укуса на плече и низко сидящий на бедрах пояс штанов. Алекс хмыкнул и потер грубый изогнутый рубец, не зная, как избавить ее от ощущения неловкости. Прежде ему и в голову не приходило задумываться о том, в чем встречать гостей. И правда, совсем одичал.

Женщина присела на невысокий обувной шкафчик, сложила руки на коленях, старательно избегая смотреть на Алекса, и устремила благоговейный взгляд на те самые часы. Словно на святыню любовалась. Рта она по-прежнему не раскрывала.

— Плащ? — протянул руку Алекс.

Женщина покачала головой.

— Воды? Чаю? Кофе?

Снова отрицательный жест.

— Можно пройти в гостиную, — приподняв бровь, уже с легкой иронией предложил он, но истинная лишь стиснула губы и усерднее вперилась глазами в часы.

В это время к двери подошел кто-то еще. Алекс отпер замок сразу же после короткого стука, впуская остроносого парнишку, который тоже держался диковато и поспешил примоститься рядом с женщиной. А дальше Алекс просто приоткрыл дверь и оставил так, а сам ушел на кухню, потому что истинные начали прибывать один за другим.

Он распахнул окно в сад, присел на подоконник и закурил, слушая шарканье ног в своей прихожей. Молчаливые, словно договорившиеся обо всем заранее или вовсе понимавшие друг друга без слов, они приходили и приходили, наполняя его дом чужими и незнакомыми человеческими запахами.

Внезапно все показалось Алексу нелепым и смешным. Он же не верит в это! Так же, как не верил его отец. Он не верит, что кучка фанатиков, помешанных на дарах природы, может помочь ему в том, в чем сам светлый бог не помог. И все-таки сидит тут и притворяется, что видит в их приходе смысл. И готов даже доверить им самое дорогое — Эльзу. А что, если они не спасут ее? Что, если сделают только хуже? Убьют ненароком? От этой мысли волк внутри зарычал и заворочался, и Алекс усилием воли подавил его. Вспомнил небольшой, обитый кожей сундучок, который нашел не так давно в старых вещах...

Или, может, именно потому, что он не верит, сам и не смог ей помочь?!

— Мы готовы, — раздался голос за спиной. — Все собрались.

Алекс обернулся и увидел старика-знахаря в той же широкополой черной шляпе и потертом на локтях пиджаке. Тогда, спрыгнув с подоконника, он вышел в прихожую и оглядел молчаливое сборище. Мужчины и женщины разного возраста и уровня достатка посмотрели на него в ответ. Кто бы мог подумать, что их так много? Один... два... около дюжины точно набралось. Даже карлица притопала, сморщенная и безобразная, в пошитом на ее рост плащике, — откуда только такую взяли? Алекс поискал взглядом знакомые лица, не нашел, и, кажется, выдохнул с некоторым облегче-

нием. Неприятное ощущение, что он знает меньше, чем хотелось бы, не отпускало.

А потом истинные вдруг принялись хозяйничать в его доме. Знахарь заявил, что им нужен подвал, и стоял на своем, пока Алекс не сдался и не распахнул для него дверцу. Сырым и холодным помещением он сам пользовался не часто. Можно сказать, вообще не пользовался. Раньше мать хранила там овощи, потом туда просто попадала вся ненужная утварь. Сундучок вот, тот самый, из кожи, там нашелся. А больше ничего интересного не было, только пыль и паутина.

Алекс понаблюдал, как молчаливо и споро истинные расчищают в центре подвала место, как ловко расставляют на полках толстые желтые свечи на плоских глиняных блюдах, и не выдержал:

— А они разговаривать, вообще, умеют?!

Знахарь, который тоже, засучив рукава, участвовал в подготовке, ненадолго отвлекся от дел.

— Умеют. Только чтобы ритуал провести, надо полностью тело, разум и душу очистить от всего наносного, житейского. Мы два предыдущих дня готовились, соблюдали голодание, молчание и погружение в себя. И пока не приступим, слова понапрасну тратить нельзя, чтобы нужный настрой не расплескать.

— Но вы же тратите, — скептически усмехнулся Алекс.

— А я не напрасно их трачу, — спокойно ответил старик, — я в тебя мудрость вкладываю. Ту самую, которую твой дед вложить не смог. — Он перевел взгляд на след от укуса и тоже усмехнулся: — Не болит, не чешется?

— Нет, — буркнул Алекс и отвернулся.

Наконец, все было готово. На каменном, на скорую руку подметенном полу углем начертили большой круг, по краям которого старик лично наложил какие-то оберегающие знаки. Свет потушили, оставив лишь живое пламя свечей, как того требовали непонятные Алексу правила. Он сходил за Эльзой и пока нес ее, бережно прижимая к груди, успел еще раз усомниться в содеянном. Она стала еще легче в его руках, словно пустая оболочка, такая беззащитная и хрупкая, готовая сло-

маться от любого неосторожного движения. Голова откинута назад, губы потеряли краску и казались серыми, а глаза... они не меняли цвет несмотря ни на что. Он так хотел защитить, он так любил ее! Но он так боялся ее потерять...

Алекс положил Эльзу в круг и отступил, а истинные, наоборот, выстроились вдоль угольной границы подобно дюжине каменных колонн, оцепивших алтарь. Они разом скинули верхнюю одежду, и обнаружилось, что все как один одеты в черное, а на ладонях у них тоже нанесены краской какие-то символы. Карлица с угрюмым выражением лица вошла в центр и присела возле неподвижного тела Эльзы. Алекс поморщился, ему все больше хотелось прекратить этот цирк.

— Выйди, сынок, — заметил эту реакцию знахарь, который стоял рядом.

— Ну уж нет, — прорычал он, сжав кулаки, — я хочу знать, что здесь будет происходить. Если мне что-то не понравится...

— Тебе все не понравится, — оборвал его старик, — все. Потому что ритуал изгнания темной магии не может нравиться нормальному человеку. Поэтому мы и не проводим его просто так.

— Тем более, я должен остаться, — возмутился Алекс, — должен видеть, что вы будете с ней делать!

Знахарь вздохнул и посмотрел на него с укоризной. Но и понимание сквозило в его взгляде тоже, словно он прекрасно осознавал, какие сомнения терзают собеседника.

— Проклятие наложено кровью, — терпеливо начал объяснять он, — и живет в крови. Поэтому сначала мы выпустим ее...

При этих словах карлица вынула из кармана кривой маленький ножик и взяла бледную руку Эльзы, обращенную запястьем вверх.

— ...а когда темная магия в достаточной степени освободит тело, — продолжил знахарь, — мы снимем печать ведьмы, и душа тоже освободится. Слава пресвятому светлему богу, Азалия согласилась взять бремя на себя. Она делает это уже второй раз в жизни и уверена, что справится.

Карлица подняла голову и посмотрела на беседующих грустными умными глазами.